

Психология интонационной организации речи*

Г.Л.Сперанская

В статье рассматривается наряду с лингвистическим психологическое содержание интонационной составляющей речи. Интонация представлена как пространственно-временная развёрстка речевого потока, структурирующего целостные отрезки его содержательно-смысловой организации как в онтогенезе, так и в филогенезе. Показано теоретически и на конкретных отрывках устной речи (дословных записях в письменном виде) единство её интонационной и содержательно-смысловой организации, определена важность обучения учащихся выразительному чтению как глубокому проникновению в смысл художественного произведения.

При восприятии речи мы сознательно по лексическим и грамматическим характеристикам высказывания оцениваем преимущественно её содержательную сторону, в то время как её интонационная организация оседает в нашем сознании в форме общего впечатления о личности, её отношения к собеседнику и предмету разговора. Поэтому пересказ, формально восстанавливающий содержание общения, оставляет элементы недосказанности.

Интонацию относят как к средству языка, так и к выразительному средству речи. В качестве первого она выступает как нормативность для различных типов предложений и коммуникативных ситуаций, причём каждый язык имеет свойственные только ему типичные интонационные рисунки. Как выразительное средство речи интонация обладает ситуативной и индивидуальной вариативностью и возможна только в звуковом (не письменном) осуществлении высказывания. Хотя она мало изучена в психологии, её значение в смысловой организации речи и оказании эмоционально-волевого воздействия на собеседника является, на наш взгляд, решающим.

Интонация организует звучание речи в отдельные законченные отрезки и представляет собой пространственную развёрстку речевого потока, оформляясь в целостный отрезок с типичным рисунком его начала, основной части, конца [1]. Считается, что интонация является первичной расчленённостью звукового – музыкального или речевого – просодического потока¹ и сегментирует речь по синтагмам² и фразам [2; 3].

* Рекомендовано к печати доктором психологических наук, профессором И.А.Фурмановым.

¹ *Просодия* – система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смысловозначительную роль. – Лингвистический энциклопедический словарь. – С. 401.

² *Синтагма* – это интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения. – Лингвистический энциклопедический словарь. – С. 447.

В.А.Артёмов определяет интонацию как «такое наблюдаемое в устной речи явление языка, посредством которого смысловое содержание предложения, выраженные в нём предикативные отношения, коммуникативное значение и модальность, а также лексический состав и синтаксический строй получают своё конкретное выражение, определяясь характером реальной или воображаемой ситуации общения...» [3, с. 35]. В этом определении подчёркиваются целостный, объединяющий характер интонации и её динами-

Галина Леонидовна Сперанская, кандидат психологических наук, доцент, докторант НИО

ческие качества, вследствие которых она подвижна и меняется со сменой отношений собеседников и ситуации общения. Процессуальность интонации имеет комплексную – акустическую и, соответственно, психологическую – организацию. Первая представлена структурой уровней, интервалов и диапазонов по частоте основного тона и интенсивности, а также общей произносительной энергией, изменяющихся во времени. (*Тон – это наделённое значимостью контрастное варьирование высотно-мелодических голосовых характеристик при произнесении языковых единиц [4, с. 514].*) Вторая – звуковой, также изменяющейся во времени структурой высоты основного тона, громкости и долготы, расчленённой паузами и ударениями [3]. На Востоке тональные языки – китайский, корейский и другие – имеют в словах тоническое ударение в отличие от привычного для европейских языков силового, а во фразе – специфическую интонацию стакатто, которая обуславливает особую музыкальность речи.

В интонации как психологической реальности звук утрачивает для нашего восприятия акустические качества и осознаётся в психологических характеристиках [5]. В этой связи наши звуковые ощущения делятся на три отдельных вида: музыкальные, речевые и шумы. Ребёнок через двадцать минут после рождения отделяет речь на любом языке от шумов, реагируя на неё своими микродвижениями [6].

Несколько иное определение интонации – как повышение или понижение тона (вы-

соты) голоса при произнесении отдельных звуков, слогов и слов – даёт Е.П.Фролов [7]. Он распространяет интонацию как на самые мелкие, так и на наиболее крупные звучащие отрезки, целое произведение: музыкальное, поэтическое или прозаическое. Тем самым интонация рассматривается как неотъемлемый компонент каждого фрагмента речевой реальности и занимает промежуточную, переходную позицию между просодией как системой супрасегментных фонетических характеристик речи [4] и фонематически организованной речью [3]. Так, генетически первична просодия, проникающая в интонацию (но и подменяющая последнюю); интонационный слой проникает в словесный, в котором просодический слой сохраняется в качестве рудимента*. Получается, что фонемы вычлениваются из интонационных комплексов, которые в ситуации общения приобретают уже семантическую окраску.

Членение звукового потока связано с культурным развитием сообщества. Так, И.Х.Швачкин выделяет двенадцать фонематических рядов в онтогенетическом различии звуков русского языка у детей, отмечая, что последние ряды – различие шипящих и свистящих, плавных и *jot* – возникают очень поздно и требуют весьма тонкой дифференциации движений передней части языка и максимального совершенства слуха. Не случайно значительное количество языков не различает эти звуки. Как отмечает автор, данные филогенеза речи указывают на существование определённого периода, когда согласные звуки фонематически не разделялись на звонкие и глухие, их дифференциация наступила намного позже [8]. Имеются языки, которые и по сей день фонематически не различают звонких и глухих согласных, – язык Папуа, тасманийский язык, некоторые языки Банту и др. Интересно также, что в качестве наиболее древних гласных фигурируют *a, u, y*, причём в некоторых языках до сих пор только эти гласные и различаются, как, например, в лакском, новоперсидском и др. В древнесемитском не различаются фо-

* Рудимент – от лат. *rudimentum* – зачаток, первооснова.

нетически даже *и* и *у*, т.е. в нём различаются только гласные *а* – не-*а*.

Историческое вычленение фонем из звукового, интонационного целого, по-видимому, было обусловлено складывающимися условиями общения. Например, Н.Х.Швачкин, ссылаясь на фонологические исследования, отмечает, что поздняя дифференциация *у-о* может быть обусловлена их басовой, низкой характеристикой, вследствие которой они могут различаться только на небольшом расстоянии. Таким образом, следует признать, что вместе с ситуативными факторами общения должны были существовать и другие, ставшие причиной вычленения из интонационных комплексов всё более специфичных звуков. Нам представляется, что одним из таких факторов была всё более тонкая семантическая дифференциация интонации по мере усложнения культуры и содержания мышления в обществе.

Психологическая сущность интонации как комплексного образования состоит в первую очередь в членении речевого потока на фрагменты, объединённые единой семантической, смысловой связью. Поэтому в интонации объединяются и структурируются ситуативные признаки общения, реализуемые в выражении мысли, что и создаёт фразу как единицу речи [2; 9]. Интонация также выделяет в предложении логический предикат суждения – происходит артикуляционное выделение члена предложения, несущего новое или личностно значимое содержание. Т.е. самое существенное в мышлении реализуется не просто лексически, а интонационно, вследствие чего происходит трансформация предложения во фразу или относительно законченной мысли – в полностью законченную [3]. Е.П.Фролов отмечает, что «в узком смысле слова интонирование представляет собой изменение высоты звука, а в более широком – это придание голосу семантической окраски, это тональность слова и речи вообще и ритмико-мелодическая сторона высказываний» [7, с. 56]. На начальном этапе развития детской речи не фонема, а ритмико-интонационные голосовые выражения имеют определённую семантическую нагрузку [8]. Фонема же как фонетическая единица словесной речи вычленяется из целост-

ных развёрнутых звукокомплексов намного позднее.

Таким образом, выражение целостного переживания в содержании сознания оформляется и объединяется в единый пространственно-временной речевой континуум именно интонацией. При восприятии речи происходит, как нам представляется, свёртывание этого континуума во внутренней речи слушателя в иерархию субъективно переживаемого содержания, в котором сливаются его смысловые и эмоционально-волевые компоненты.

В.А.Артёмов, кроме интонации фразы, характеризовал и более крупное её образование – интонацию высказывания [9], которая объединяет различные, специфично интонированные целостные отрывки сюжета с разным содержанием. В художественном чтении овладение интонацией является наиболее сложной задачей [10]. Объясняется это тем, что чтец берёт на себя ответственность вычленять главное и второстепенное в тексте именно посредством его интонирования. Справедливо отмечают, что литературное произведение, прочитанное вслух с необходимой интонацией, может восприниматься как откровение [11]. Именно поэтому обучение учащихся художественному чтению очень важно для осмысления ими литературных произведений. Кроме того, одно и то же произведение, представленное слушателям с разной интонацией, может пониматься в значительном диапазоне смысловых различий.

Со смысловой структурой фразы связано и акцентное членение речи, которое также вызывает трудности при его произвольном воссоздании [2]. Если акцентное членение неверное, то понимание смысла высказывания искажается. Из трёх основных форм акцентуации именно мелодическая, осуществляемая микровариациями высоты основного тона речи, может создать эффект крайне монотонного, с одной стороны, или глубоко интонированного, с другой, звучания [12]. Поэтому мелодическая интонация требует наиболее глубокого осознания смыслового содержания собственной речи, оказывая тем самым сильное выразительное влияние на слушателя.

Фраза может совпадать с предложением, а может объединять в себе несколько предложений [2]. Поэтому выразительное чтение, которому учат в школе, связано с целостным осмыслением сначала сложной фразы, а затем и целого высказывания. Следует также учитывать, что завершенность мысли всегда оформляется интонационно, так же, как и её незавершенность, что и используется как специальный приём в общении. В этой связи обратим внимание на упоминаемый Е.П.Фроловым такой недостаток, встречаемый в современной речи, как интонационное «задираание фразы». Создаваемая таким образом незавершенность общения связана с усиленным побуждением внимания, отклика собеседника, включением его в беседу. Так как такая интонационная форма встречается в речи молодых людей, а также людей с низким социальным положением, мы можем предположить, что она носит компенсационный характер, т.е. возмещает некие упущенные в установлении и поддержании контакта компоненты общения как у говорящего, так и у слушающего.

При комплексном анализе речи – соотношении её содержательно-смысловой и интонационной организации – выясняется, что они находятся в единстве, составляют целостное качество звучащей речи. Проиллюстрируем это утверждение на примере образцов речи, записанных по каналам центрального российского телевидения в ситуациях свободного общения в прямом эфире или в определённых передачах. Все говорящие – публичные люди, работающие в государственных структурах и занимающиеся профессионально политикой; трое имеют учёную степень, одна из них (образец 3) – женщина.

Образец 1.

Вопрос. А вам как зрителю недостаёт современной пьесы?

Ответ. Да. Меня пригласили, вот, например, в театр на Покровке. Ну, вот, пожалуйста, но опять на спектакль «Ревизор». Но я ещё со школы его изучал, я помню эти роли, все, это уже – но сколько можно? Я согласен, в постановке этого ведущего актёра или режиссёра там может быть что-то новое, но опять в принципе-то тема известная. А почему режиссёра современного не

дать? Ревизора, который вот у Степашина работает? Вот они едут в Мэри Эл, они едут в Калмыкию, они едут в Петербург, вот они там проверяют сегодня.

Образец 2.

Вопрос. Скажите, для вас как для учёного искусство вообще играет роль в вашей научной жизни или это сфера частных интересов?

Ответ. Это не для научной жизни, но в понимании мира; ведь социальные науки – это немножко своеобразные, это ведь науки о человеке. И для того чтобы ими успешно заниматься, особенно не технически, ты должен, на мой взгляд, довольно много понимать о том, как на самом деле устроена жизнь, что бывает и что не бывает, что может быть и что не может быть, иначе ты очень будешь часто поверхностным, а здесь хорошее искусство – это огромное подспорье.

В образцах речи 1 и 2 интонация однообразная – начало и конец фразы, а также её середина имеют примерно один уровень высоты основного тона, отчего фраза от фразы отличается не по самостоятельному рисунку интонации, а по словесному содержанию. В первом образце ударение ставится на каждом слове, отчего возникает впечатление напряжения в речи, которая звучит вследствие этого возбуждённо, но большинством слушателей оценивается ошибочно как звучащая эмоционально. Содержательно-смысловая организация речи характеризуется фрагментарностью и состоит из отдельных простых смысловых единиц или простых предложений, хотя и объединённых во втором образце в кажущуюся длинной фразу. Речь в целом имеет повторы, перифразы, малосодержательна, звучит монотонно.

Образец 3.

Вопрос. Мы десять лет в ПАСЕ. Что нам дала эта организация?

Ответ. Она нам дала – если положительные уроки – истинное понимание отношения Европы к нам, которая построила свой рай на Земле, но так и не избавилась от нигилизма к нашей истории, от ощущения беспокойства перед нашей огромностью и потенциальной самостоятельностью, перед нашим вечно самостоятельным поиском смысла бытия. И, к сожалению, Европа, как во времена

Пушкина, в отношении России столь же невежественна, как и неблагодарна.

Образец 4.

Вопрос. В опросе на вопрос «Ваше любимое событие» девочка-школьница написала: автограф Децла; старик написал: взятие Берлина. Вот какая национальная идея может объединить эти два полюса?

Ответ. Вот, вы знаете, когда говорят, что национальной идеи не хватает, это симптом того, что общество не в порядке. Не только в княжестве Монако и в Бурунди нет национальной идеи. Вы спросите датчанина, испанца, американца даже «В чём ваша национальная идея?» – он сильно задумается, потому что для него этого вопроса нет, он себя чувствует частью огромной нации и он этой нацией горд. А горд он потому, что это общество достаточно стабильно и достаточно спокойно, чтобы у каждого была общая национальная идея, у каждого своя национальная идея, своё представление о ней. Так что, ради Бога, пусть девочка любит Децла и пусть будет счастлива автографу. Достаточно того, чтобы эта девочка помнила, что её дедушка или прадедушка брал Берлин. А у неё – ну, другое время – у неё своя идея.

В образцах речи 3 и 4 интонация характеризуется вполне выраженным рисунком. Начало и конец фразы интонационно оформлены, в середине также наблюдается интонационное движение – подъёмы и падения. Фраза от фразы может быть отделена не только по словесному содержанию, но и по выраженному интонационному рисунку. Содержательно-смысловая организация речи достаточно сложна, так как фраза, имея один предмет мысли, раскрывает его в достаточном многообразии связей и отношений. Речь является связной, содержательно насыщенной, между фразами сохраняется смысловая преемственность. Речь в целом звучит как выразительная и эмоционально окрашенная.

Интонация, как и любой составной элемент устной речи, характеризуется, с одной стороны, как носитель психологических качеств говорящего, и с другой – как организатор смыслового, эмоционально-волевого воздействия речи. Причём нацеленность на

воздействие и формирует окончательно характер её выразительного рисунка и, соответственно, смыслового членения фразы. Получается, что ситуация общения, психологические особенности собеседника придают интонации говорящего конкретное оформление и неповторимое своеобразие. Поэтому, несмотря на нормативность и типичность интонаций для различных видов отношений, их реальное разнообразие практически бесконечно. Отметим в этой связи, что интонационный рисунок, в числе прочих факторов, находится и под влиянием темпа речи, что специально отмечено Б.А.Бенедиктовым [1]. Так, изменение интонации происходит при значительных изменениях темпа речи: при её ускорении интонация перестраивается полностью, и такая перестройка не является её пропорциональной компрессией во времени; при выходе же речи за пределы низкого темпа интонация исчезает; в свою очередь, при переходе к максимальному темпу – 500 сл/ мин и выше – интонация исчезает при технической трудности её сохранения. Значит, дефицит времени приводит к деперсонализации речи, т.е. с увеличением её темпа, соответственно, растёт её информативность как таковая, но значительно снижается эмоционально-волевое и воспитательное воздействие. В этой связи происходит сильная детонизация, деперсонализация речи в больших городах разных стран. Так, в городах Великобритании исчезает *fall-rise*^{*}, а в российских крупных городах – напевные интонации российской глубинки [3].

Смысловое единство интонации сливается с её эмоциональным и волевым содержанием. В.А.Артёмов выделяет в качестве основных эмоциональные, логические и волевые группы интонаций [9]. Причём семантически показателен конец интонационного рисунка: повышение высоты основного тона указывает на эмоциональную интонацию, понижение – на логическую, а ровное завершение указывает на её волевое содержание. Е.П.Фролов небезосновательно считает, что «...интонация – может быть, единственное

^{*} *Fall-rise* – нисходяще-восходящий тон в интонации английского языка.

средство эмоциональной окраски речи» [7, с. 232]. Семантическая составляющая интонации вместе с изменениями тембра голоса придаёт фразе, отдельным её словам, всему высказыванию неповторимое эмоциональное и волевое содержание. Английский адвокат, автор ряда книг по судебному красноречию Р.Гаррис называл модуляцию голоса самой прекрасной из всех прелестей красноречия; это музыка речи, ...неоценимое преимущество для оратора, и его следовало бы развивать в себе с величайшим прилежанием (см. [11]).

В лингвистике интонационно вычленяют просьбу, требование, огорчение, угрозу, различные коммуникативные типы предложений, стилистические виды речи и др. Причём все эти оттенки переживаний и побуждений вполне понятны и действенны при употреблении лексики, далёкой по значению от выражаемого интонацией эмоционально-волевого содержания. Поэтому можно согласиться с Е.П.Фроловым в том, что интонация является единственным средством эмоциональной окраски речи, и сделать вывод, что не слова с эмоциональным и волевым значением, а именно соответствующая интонация оказывает воздействие на собеседника в общении, вызывая у него состояния той же модальности, что и у говорящего. Можно сделать и более глобальный вывод о том, что не значения используемых слов как таковых, а движение речи, её темпоральное, тембральное, интонационное оформление в целом несут личностное содержание и оказывают воздействие на слушателя.

Интересные наблюдения над интонационным развитием речи детей приводятся М.Р.Львовым [13]. Так, интонацией вопроса и конца предложения дети овладевают в 2–3 года; повышением и понижением тона – в 3 года; логическим ударением в пределах одного предложения – в 4–5 лет (не все дети); переносительной интонацией – в 3 года; незаконченность мысли наблюдается в 6–7 лет; выделительную интонацию ребёнок осваивает только в 10–11 лет. Эмоциональными типами интонации дети овладевают по мере развития мира их чувств, а овладение основными интонационными конструкциями проте-

кает у них неравномерно, хотя к 6–7 годам дети пользуются ими вполне удовлетворительно.

По характеру интонации можно определить культурный, социальный уровень человека, его психическое состояние в данный момент. Е.П.Фролов особо отмечает яркость, правильность и нормативность интонаций как элемента культуры устной речи, а также такие недостатки интонирования, как монотонность, слишком высокий тон, слишком низкий тон, слабое интонирование в наиболее значимых словах и повторные интонационные обороты. Причины как успешного, так и мало успешного интонирования являются преимущественно психологическими. Так, рефлексивность эмоций и чувств, осознание побудительного характера собственной речи, ясность мысли и содержания сознания, развитые волевые качества, гармонизованность свойств личности способствуют ясной и открытой, разнообразной интонации. В то же время слишком высокий или низкий тон может свидетельствовать или о чрезмерном возбуждении, или о подавленности, неуверенности в себе, раздражении и т.д. Слабое интонирование в значимых словах показывает общую вялость мысли и чувства, равнодушие к предмету речи, собеседнику. Повторные интонационные обороты могут отражать однообразие переживания, состояние скуки, репродуктивную ориентацию в общении.

Интонационный монотон делает речь однообразной и затрудняет её смысловое членение. Такая речь оказывает тормозящее, угнетающее влияние на переживания слушателя, а также указывает на упрощённую смысловую организацию речи говорящего. Наряду с выраженной монотонностью в речи часто встречается и однообразная интонация, которая характеризуется смазанным интонационным рисунком начала и конца фразы, незначительным её изменением внутри фразы. Если интонационный монотон может свидетельствовать о подавленных, депрессивных состояниях личности, то однообразная интонация является преимущественно устойчивой характеристикой речи с низким уровнем побудительности и эмоционального воздействия.

Таким образом, интонация является важнейшим выразительным средством, которое превращает смысловое единство речи в эмоциональное и волевое воздействие. Именно в интонации выражается непосредственное переживание личности, передаются живые личностные смыслы, которые психологи упорно пытаются отыскать в словах, выбираемых испытуемым из предложенного списка. В словах человек выражает то, что следует сказать в сложившейся ситуации общения, а в интонации – своё истинное переживание и отношение к ней. Поэтому как искренность, так и фальшь слов раскрываются для умеющего слушать именно в интонации.

Если воспитатель стремится деперсонализировать свою речь и превратиться в поставщика информации или управленца, он тем самым заставляет ученика расставлять свои собственные акценты в услышанном и апеллировать к собственным, ещё незрелым, чувствам, отчего и рвётся связь поколений и преемственность в духовных и культурных традициях. Ученик остаётся один на один с нравственным выбором, и его учителями могут стать совсем иные силы. О.Розеншток-Хюсси совершенно справедливо писал о том, что, когда человек начинает говорить, он берёт на себя ответственность, и если он не готов к этому, то ему следует молчать [14].

Интонация – это необходимый выразительный компонент устной речи, объединяющий её словесный, языковой план в лично окрашенное смысловое и эмоционально-волевое целое. Тем самым звучащая речь превращается в психологическую реальность.

Список использованных источников

1. Бенедиктов, Б.А. Психология овладения иностранным языком / Б.А.Бенедиктов. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 336 с.
2. Артёмов, В.А. Курс лекций по психологии / В.А.Артёмов. – Харьков: Изд-во Харьковского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А.М.Горького, 1958. – 421 с.
3. Артёмов, В.А. Психология речевой интонации (интонация и просодия). Лекции к спецкурсу / В.А.Артёмов. – М.: Изд-во 1-го МГПИИЯ им. М.Тореза, 1976: в 2 ч. – Ч. 2. – 87 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999. – 685 с.
5. Артёмов, В.А. О взаимоотношении физических свойств, воспринимаемых качеств, языковых значений и смыслового содержания речи / В.А.Артёмов // Вопросы психологии. – 1960. – № 3. – С. 98–115.
6. Condon, V.S., Sandler, L.W. Synchrony demonstrated between movements of the neonate and adult speech // Child Development. – 1974. – № 45. – P. 456–462.
7. Фролов, Е.П. Звукотерапия. Физиологический, психоэмоциональный, медицинский и социальный аспекты голоса и слова / Е.П.Фролов. – М.: Вузовская книга, 2004. – 620 с.
8. Швачкин, Н.Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте / Н.Х.Швачкин // Известия АПН РСФСР. – 1948. – Вып. 13. – С. 101–132.
9. Артёмов, В.А. Восприятие и понимание речи // Экспериментальная фонетика и психология речи / В.А.Артёмов. – Учёные записки МГУ. – 1954. – Т. VIII. – С. 179–199.
10. Артёмов, В.А. Культура речи / В.А.Артёмов. – М.: Изд-во общ. «Знание», 1960. – 85 с.
11. Сергеев, П. (Пороховщиков, П.С.) Искусство речи на суде // Об ораторском искусстве / П.Сергеев (П.С.Пороховщиков). – М.: Изд-во полит. литературы, 1973. – С. 179–200.
12. Манёров, В.Х. Психодиагностика личности по голосу и речи: учеб. пособие / В.Х.Манёров. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1999. – 96 с.
13. Львов, М.Р. Основы теории речи / М.Р.Львов. – М.: АКАДЕМА, 2002. – 248 с.
14. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / О.Розеншток-Хюсси. – М.: Лабиринт, 1994. – С. 320.

Материал поступил в редакцию 19.07.2006.